

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2018-3-161-166

ЭМОТИВНЫЙ МОДУС НЕМЕЦКИХ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Пугачева Е.Ю.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается способность отрезков со сменным субъектом речи передавать эмотивное состояние пишущего. Переключение кодов с одной языковой системы на другую заметно повышает эмотивность и смысловую содержательность текста. Именно с позиций дискурсного анализа, характеризующегося функционально-деятельностным и антропологическим подходами и учитывающего экстралингвистические факторы, автору удаётся найти достойный ключ к пониманию дневникового наследства Л.Н. Толстого. Основным выводом проводимой работы считаем: гибридность текста, т. е. способность включать несколько сменных субъектов речи, прослеживается как на уровне формы, так и на уровне содержания.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, аллюзия, реминисценция, глубинный смысл.

THE EMOTIVE MODUS OF GERMAN INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE DIARY HERITAGE OF L. N. TOLSTOY

E. Pugacheva

*Moscow Region State University
10A, Radio ul., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article analyses the ability of texts with a formally different subject of speech to render the emotive condition of the author. The author concludes, that the shift of language codes from one system to another significantly increases the emotiveness and sense capacity of the text. Due to discursive analysis, characterized by functional and anthropological approaches the author finds the clue to understanding the text. The main conclusion of the work is that text hybridity, which is the ability to include several subjects of speech, is conveyed both through the form and the context.

Key words: intertextuality, precedent, intertextual inclusions, quotation, allusion, reminiscences, innermost sense.

Цель статьи – проследить особенности вербализации эмотивного состояния языковой личности при переключении на немецкий язык. Как вытекает из поставленной цели, **объектом исследования** выступают отрезки текста со сменным субъектом речи **на предмет** их способности к передаче эмотивного со-

стояния пишущего. **Материалом исследования** послужили записи дневников за период с 1847 по 1894 гг.

Порядок исследования подразумевает несколько взаимозависимых этапов: 1) идентификацию общего отношения Л.Н. Толстого к немецкому языку и культуре; 2) поуровневое изучение функциональности немецких интертекстуальных вкраплений; 3) выделение средств передачи эмоционального модуса языковой личности.

Язык, как известно, – отражение менталитета нации, духа народного, зеркало социума [1; 5; 6]. Однако то, что считается ценным и релевантным в одной лингвокультуре, в другой может быть воспринято отрицательно и не оценено по достоинству.

Немцы, по мнению Льва Николаевича, – дотошные педанты, готовые тратить неимоверно много времени на самую крошечную деталь [3]. Русской душе это кажется мелочным и не стоящим особого внимания. При этом русский, по мнению автора дневникового наследия, явственно чувствует себя плебеем в европейском обществе, но продолжает нести марку представителя шестой части суши. То же происходит и в отношении юмора. Следовательно, для Л.Н. Толстого в немецком языке проступают такие аспекты значимости, как: точность, ёмкость, адекватность в передаче смысла. Немецкий – не язык для развлечений, как французский, или игры слов, но для размышления о высоком, насущном, пафосном.

В этом усматривается важный аспект: при переходе на немецкий язык Л.Н. Толстой передавал отношение к предмету обсуждения в иной для себя социальной роли – роли естество-

испытателя, морализатора, учителя с присущими им качествами: *Долго я пытался достигнуть аккуратности немецкой, но теперь уж махнул рукой, утешая себя тем, что, ежели у меня и пропадают и пачкаются и мнутся вещи больше, чем у прусского генерала, который укладывался два дня не переставая, зато уж и никому так равнодушно не обойтись без пропащей вещи и не носить испачканного или измятого платья. Это тоже русская практичность в своём роде* [3, с. 203]; *Гёте я плохо понимаю, да и не могу, как ни стараюсь видеть смешное в немецком языке* [3, с. 138].

Выделенные лексические единицы образуют пары контрастов: *немецкая аккуратность / серьёзность – махнул рукой, укладываться два дня – равнодушно обойтись*, – причём автор называет русскую бесшабашность практичностью, способностью терпеть любые испытания, способствующие созданию резонанса у реципиента.

Отметим, что немецкие вкрапления образуют вторую по плотности незримую ткань дневникового повествования, насчитывая более 20 единиц. Приведём пример употребления немецкого слова как интертекстуального вкрапления, способного к передаче эмоционального модуса языковой личности пишущего: *Человеку нужен порыв, Spannung – да* [3, с. 240].

Отметим, что первая выдержка с немецким вкраплением в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого относится к 1856 г. Это время, когда, уволившись с военной службы, Толстой возвращается в Ясную поляну, своё родовое имение, и пытается реформировать хозяйство на европейский лад, чему было причиной его увлечение оригиналь-

ми естественнонаучными, педагогическими и экономическими трудами выдающихся немецких мыслителей того времени: К. Руммера, Г. Рилия, Ю. Фребеля, Г. Ценкера, Ф.К. Бидермана, Шопенгауэра, о чём также свидетельствуют выдержки в исследуемом материале.

В представленном высказывании Толстой размышляет о прогрессе и характеризует его как «потребность осознанной деятельности, облечённую в верованье» (там же). Но инициатором подобного осознанного движения вперёд выступает неосознаваемый *порыв*, однако этого русского слова Л.Н. Толстому оказывается мало, и происходит дублирование его немецким существительным *Spannung*.

В интернет-словаре *Spannung* – многозначная лексическая единица, охватывающая гораздо больше значений, чем русское слово *порыв*: напряжение, напряжённость, давление, накал; электричество; натяжение; упругость; тонус; приступ [7]. В совокупности представленные значения формируют стилистический приём «гиперсемантизации», отражающий повышенную эмоциональную вовлечённость автора. Более того, в постпозиции, выделенной пунктуационно с помощью тире, находится утвердительная частица *да*, вторящая модальному характеру высказывания и задающая особую экспрессию представленной социальной роли проявления языковой личности.

Приведём пример употребления немецкого словосочетания как интертекстуального вкрапления, способного к передаче эмотивного модуса языковой личности пишущего: *По случаю мерзкой книги Прево, который тоже в предисловии рассуждает о нравственности, думал (давно известно): что*

*художник поучает не тому, чему хочет, а тому, чему может. То, что он победил в себе, что стало *überwunden*-er Standpunkt, то он может обличить, то, что он не только считает хорошим, но то, что он страстно любит, то только он может заставить полюбить* [3, с. 504].

Словосочетание *мерзкая книга*, эксплицитно отражающее эмоциональность автора, не может оставаться незамеченным: оно отрицательно заряжено и формирует стилевую иронию. Этой же цели – передаче эмотивного состояния пишущего – служит и апозиопезис, приведённый в скобках, который открыто проецирует языковую личность автора дневникового дискурса. В этом случае проявляется его социальная роль философа, рассуждающего о нравственности и писательском труде. Размышления, как это часто встречается у Л.Н. Толстого, служат особенностью его идиостиля, строятся на противопоставлении: *думал – давно известно, хочет – может, победил – стало, обличить – не считает хорошим, страстно любит – заставить полюбить*. Отметим высокую степень модальности в указанных парах глаголов, где второй «спорящий» компонент является моделирующим эмоциональный фон Л.Н. Толстого, полемизирующего со своим оппонентом – Антуаном Прево (1697–1763).

Третьей, не столь очевидной, степенью проявления ироничности, по нашему мнению, выступает характеристика французского аббата-романиста в немецкой научной терминологии. Однако построенная на отклике по случаю прочтения книги фраза относится не к конкретному писателю предыдущего столетия, но художнику слова в целом.

Словосочетание *Überwundener Standpunkt* переводится как «преодоленная точка зрения» и активно используется в философских трактатах.

Достоверно известно, что указанный термин звучит в трудах В.И. Ленина, В.С. Соловьёва, М.И. Ненашева, В.Г. Короленко, Ф.М. Достоевского. На взгляд автора статьи, *преодоленная точка зрения* создаёт не меньший иронический заряд, чем все предшествующие случаи применения иронии, поскольку акцентуирована за счёт смены системы языковых координат. «Точка зрения, которая уже не является таковой», т. е. отменённая логикой разума. Заметим, что в приведённом примере Л.Н. Толстой не даёт прямого толкования данному интертекстуальному вкраплению, но приводит широкий ряд метафор, создающих отдельное неполносоставное предложение с анафорическими повторами. Таким имплицитным образом писатель даёт понять, что данная мысль активно резонирует с его мироощущением, вызывает всплеск неконтролируемых эмоций, ярко проявляет его языковую личность. Здесь и отображаются глубокая поддержка, сочувствие, эмпатия, и в то же время проявляются негодование и неприятие тех писателей, которые не соответствуют поставленной высокой планке уровня мастерства.

Приведём пример употребления немецкого предложения как интертекстуального вкрапления, способного к передаче эмотивного модуса языковой личности пишущего: *Веймар – одна девка – Liebes gutes Kind, sie sind irre. Landmann учителя* [3, с. 244].

Представленная выдержка является частью описания впечатлений о поездке за рубеж. Поскольку автор дневника

долго не делал записей, он, увлечённый и переполненный переживаниями, отстранёнными мазками соединяет яркость эмоций и «времязатратность» в небольшой отрывок, больше напоминающий юмористическую путаницу, выстроенную посредством ряда зевгм. Так, приведённое предложение указывает на: где?, кто?, что сказано? Если этот набор слов развернуть в полносоставное предложение, можно понять следующее: «в Веймаре, культурной столице Германии, Л.Н. Толстому случилось пообщаться с одной особой на интимную тему, понятную только им двоим». Читатель может только догадываться, кто именно произнёс фразу, которую можно перевести как «Милое дитя, вы ошибаетесь» – сама девушка или искатель приключений, автор дневника.

В цели нашего исследования не входит установить историческую точность данного интертекстуального вкрапления, но установить тот эмоциональный модус, который он призван донести. А происходит это донесение за счёт переключения: в иную временную реальность, о чём также свидетельствуют формы глаголов; в иную географическую реальность, о чём свидетельствует переход на иной культурный код; в иную тематическую плоскость, о чём свидетельствует неупорядоченность словесного ряда. Заметим, что автор не стремится пояснить себя. Это ясный сигнал того, что писалось исключительно для себя, для закрепления в ассоциативной памяти пережитых эмоций, ауры того момента, неповторимости указанного ресурса [2]. Подобный пример иллюстрирует искреннюю, живую душу человека, стоящего за словами, точнее,

их несоответствием: *девка – милое дитя*. Сквозящая ирония может служить сигналом того, что автор смущён собственной реакцией и продуцирует дискомфорт от «не-комильфо» момента. Достоверно известно, что Л.Н. Толстой много и часто отчитывался за свои неуспехи в дневнике, что способствовало вытачиванию характеров – своего и своих героев.

В целом складывается впечатление, что немецкий язык также служит некой маской, но в этом случае – маской довольно жёсткого и непрощающего наставника. Здесь нет места лёгкому

французскому юмору, скорее, здесь место серьёзной критике. Отметим, что полифоничность текстов дневника свидетельствует о масштабности языковой личности Л.Н. Толстого в целом и способности поднимать затрагиваемые им вопросы на общечеловеческий уровень – уровень универсальных, непреложных ценностей. Представляется, что выход современной лингвистики на межтекстовый уровень также сигнализирует о значимости содержания формы [4].

Статья поступила в редакцию 19.01.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Копеева Е.В. Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 17 (650). С. 108–130.
2. Сескутова И.К. Интертекстуальность как текстовая категория (на материале современной англоязычной публицистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. № 6 (639). С. 197–204.
3. Толстой Л.Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н.К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. 670 с.
4. Черняевская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учебное пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2015. 208 с.
5. Филимонова О.Е. Репрезентация категории эмотивности в сонетах Шекспира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 52–59.
6. Шаховский В.И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: сборник научных трудов. Волгоград: Центр, 2004. С. 147–168.
7. Spannung [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на «Академике»: [сайт]. URL: <https://translate.academic.ru/Spannung/de/ru> (дата обращения: 01.08.2017).

REFERENCES

1. Kopeeva E.V. [Emotive language as a way of verbalizing critical relation to reality (study of English essays)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2012, no. 17 (650), pp. 108–130.
2. Seskutova I.K. [Intertextuality as a text category (study of modern English journalism)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2012, no. 6 (639), pp. 197–204.

3. Tolstoy L.N. [Diaries 1895–1910 gg.]. In: *L.N. Tolstoy. Sobranie sochinenii* [Collected works, vol. 19]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 670 p.
4. Chernyaevskaya V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of text. Linguistics of discourse]. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 208 p.
5. Filimonova O.E. [Representation of the emotive category in Shakespeare]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Linguistics series], 2015, no. 1, pp. 52–59.
6. Shakhovskiy V.I. [Emotional-semantic dominant of natural and artistic communication]. In: *Yazyk i emotsii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoi deyatel'nosti* [Language and emotion: personal meanings and dominant in speech activities]. Volgograd, Tsentr Publ., 2004, pp. 147–168.
7. Spannung. In: *Slovary i entsiklopedii na "Akademike"* [Dictionaries and encyclopedias on "Academic"]. Available at: <https://translate.academic.ru/Spannung/de/ru> (accessed: 01.08.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Pugacheva – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пугачева Е.Ю. Эмотивный модус немецких интертекстуальных вкраплений в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 161–166.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-3-161-166

FOR CITATION

Pugacheva E.Yu. The emotive modus of German intertextual inclusions in the diary heritage of L.N. Tolstoy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 3, pp. 161–166.
DOI: 10.18384/2310-712X-2018-3-161-166